

3. Червонюк В. И. Феномен фактического изменения Конституции (коннотации эволюционирующей, «живой Конституции») // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 41–46.
4. Василевич Г. А. Правовые акты особой формы: их место и роль в развитии национальной правовой системы [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
5. О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс]: Декларация Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики, 27 июля 1990 г., № 193-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
6. О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс]: Закон Белорусской ССР, 25 августа 1991 г., №1017-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
7. Немкевич И. В. К вопросу о юридической природе «Декларации о государственном суверенитете БССР» // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2021. №2. С. 118–122.
8. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Белорусской ССР [Электронный ресурс]: Закон Белорусской ССР, 28 июля 1990 г., №212 – XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
9. О регистрации общественных объединений в Белорусской ССР [Электронный ресурс]: постановление Верховного Совета Белорусской ССР, 28 июля 1990 г., №222 - XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
10. Об утверждении «Временного положения о порядке образования и деятельности общественных объединений граждан в Белорусской ССР» [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров БССР, 3 окт. 1990 г., №255 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
11. Об общественных объединениях: Закон СССР, 9 октября 1990 г., №1708-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. №42. Ст. 839.
12. Об основных принципах народовластия в БССР [Электронный ресурс]: Закон БССР, 27 февраля 1991 г., №651-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕЙМА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ М. К. ЛЮБАВСКОГО И Н. А. МАКСИМЕЙКО

К. Д. Довматович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kirill28.02@mail.ru*

Цель статьи – рассмотрение истриографических подходов к проблеме происхождения сейма Великого Княжества Литовского через призму столкновения

социально-политической концепции московского историка М. К. Любавского и регионально-централизаторской киево-харьковского историка Н. А. Максимейко.

Ключевые слова: сейм Великого Княжества Литовского; историография Российской империи; концепция; М. К. Любавский; Н. А. Максимейко.

THE ORIGIN OF THE SEJM OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE SCIENTIFIC DISCUSSION OF M. K. LYUBAVSKY AND N. A. MAKSIMEIKO

K. D. Dovmatovich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus, kirill28.02@mail.ru*

The purpose of the article is to consider historiographic approaches to the problem of the origin of the Sejm of the Grand Duchy of Lithuania through the prism of the collision of the socio-political approach of the Moscow historian M. K. Lyubavsky and the regional centralization approach Kiev-Kharkov historian N. A. Maksimeyko.

Keywords: Sejm of the Grand Duchy of Lithuania; historiography of the Russian Empire; concept; M. K. Lyubavsky; N. A. Maksimeiko.

Матвей Кузьмич Любавский (1860–1936) являлся представителем исторической школы Императорского Московского университета. В начале своей научной карьеры он заинтересовался историей Великого Княжества Литовского («Литовско-Русского государства»). Так, М. К. Любавским в 1892 г. был опубликован текст магистерской диссертации, посвященный областному делению и местному управлению Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута [2, с. 20–21]. Уже в 1900–1901 гг. публикуется его докторская диссертация «Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства». Матвей Кузьмич рассмотрел проблемы происхождения, развития, компетенции великокняжеского сейма, а также проблемы политического значения Панов-Рады («господарской рады») и организации шляхетского сословия, которые являлись основополагающими в сеймовой структуре [3]. Таким образом, московским ученым было предпринято первое фундаментальное исследование, в котором всесторонне освещена тематика сейма Великого Княжества Литовского.

Историк М. К. Любавский на страницах своей диссертации относил зарождение Сейма Великого Княжества Литовского в эпоху установления унии с Польшей, потому что, объясняет автор, «События этой эпохи вызвали к политической деятельности крупнейшие общественные силы Великого княжества, дали им возможность обнаружить свою мощь и значение и повлекли за собою признание известных прав за их

совокупностью в лице Литовско-русского сейма» [3, с. 10]. Московский историк относил к 1401 году «рождение Литовско-русского сейма» [3, с. 10]. Кревская уния 1385 г. М. К. Любавским рассматривалась как дело областных князей Гедиминовичей, а не всего Великого Княжества [3, с. 11–15]. Поэтому начальный период правления Витовта рассматривался как время утраты политической роли областных князей, чье место в политической жизни страны занимают «второстепенные литовские и русские князья и литовское боярство» [3, с. 19–26]. В 1401 г. именно эта политическая сила выступит в общегосударственной представительной роли «в качестве правоспособного участника в решении государственных вопросов, с известною признанною по этой части компетенциею» [3, с. 28–29]. Уже в 1413 г. состоялся второй Литовско-русский сейм в Городле вместе с польским [3, с. 31]. Однако установление очередной унии с Польшей и издание Городельского привилея «расширила социально-политическое значение литовской боярской знати (католического вероисповедания – К. Д.) в ущерб высшему боярству русских областей Великого княжества» [3, с. 163]. Впоследствии, после смерти Витовта, это привело к «национально-политической борьбе» 1430–1440-х гг. между литовской знатью (католиками) и представителями земель-аннексов (православными). Подобные разногласия вынудили Казимира издать в 1447 г. общеземский привилей, а также ряд областных, которые уничтожили политическое господство собственно Литовской земли по отношению к другим территориям Великого Княжества. Соответственно, этот документ стал основой для привлечения областей-аннексов в управлении государством. Таким образом «вальный сойм» трансформировался в «великий вальный сойм» [3, с. 163–170].

Оппонентом М. К. Любавского по тематике великокняжеского сейма выступил выпускник юридического факультета Киевского университета св. Владимира Николай Алексеевич Максимейко (1860–1941). Он в 1897 г. стал приват-доцентом кафедры истории русского права юридического факультета Харьковского университета. Вероятно, интерес к проблеме сейма вырос на основе изучения Литовского Статута. Тематика истории права, в частности «Русской Правды», будет интересовать историка всю его научную карьеру [1, с. 63–66]. В 1902 г. была опубликована магистерская диссертация Николая Алексеевича под названием «Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г.» [8]. Эта работа оппонировала труду московского историка по ряду проблем. Наиболее ярко это выразилось в подходах ученых к вопросу происхождения

великокняжеского сейма. При этом, дискуссия между М. К. Любавским и Н. А. Максимейко не закончилась публикацией книг, она была поддержана на страницах «Журнала Министерства народного просвещения».

Историк Н. А. Максимейко в своей диссертации представил совершенно иную концепцию происхождения великокняжеского сейма. Им утверждалось, что в основе этого государственного органа лежат сеймы отдельных областей Великого Княжества Литовского. Эти «областные сеймы» обладали такой же компетенцией, которая будет характерна для сейма Литовско-Русского государства (избрание местных князей, заключение уний, рассмотрение вопросов войны и мира, законотворчество, судопроизводство) [8, с. 1–33]. Соответственно, общегосударственный сейм рассматривался Н. А. Максимейко как «высшая стадия государственного объединения Литовской Руси» [8, с. 43]. В дальнейшем ученым будет определена дата централизации земель Великого Княжества – ликвидация княжеской власти в Киеве в 1471 г. [8, с. 70;]. Военные конфликты Великого Княжества Литовского с Московским государством и Крымским ханством в конце XV в. также подтолкнули к консолидации великокняжеских территорий и послужили причиной возникновения такого общегосударственного органа как сейм [8, с. 44]. Н. А. Максимейко относил к 1492 году «первое определенное и несомненное свидетельство о Литовско-русском сейме, какъ собрании отдельных областей государства» [8, с. 40].

Помимо своей авторской концепции происхождения сейма, Николай Алексеевич целый параграф посвятил разбору мнения М. К. Любавского по этому вопросу [8, с. 1, 51–71]. Концептуальные положения московского историка он назвал «ошибочными от начала и до конца. Они основаны на незнании одних фактов и на неправильном толковании других фактов» [8, с. 51–52]. Первым недостатком («изъяном») работы М. К. Любавского, по его мнению, являлось то, что, не смотря на разрешение вопроса о происхождении сейма отдельного Литовского княжества, московским историком не исследовались сеймы других областей Великого Княжества, из которых и образуется общегосударственный орган [8, с. 52]. Подобная оценка Н. А. Максимейко логично вытекала из его концептуального подхода к данному вопросу. Далее им рассматривался весь сюжет М. К. Любавского о происхождении сейма. Николай Алексеевич не исключил возможность участия литовских бояр в политической жизни страны до 1401 г. (в рамках работы «областных сеймов» – К. Д.) [8, с. 53–55]. Поэтому доводы М. К. Любавского относительно сейма 1401 г. оценивались

Николаем Алексеевичем как «неубедительные и несостоятельные» [8, с. 57].

Вторым недостатком работы М. К. Любавского была определена его позиция, относительно Городельского привилея 1413 г. Н. А. Максимейко подчеркнул, что данный документ относился только к собственному Литовскому княжеству, но он не отнимал «у русских (православных – К. Д.) возможность государственной деятельности в пределах той или другой области» [8, с. 62]. Соответственно, образование общего великокняжеского сейма после 1430–1440-х гг. оценивалось Николаем Алексеевичем как «жертва со стороны русских областей известной долей своей самостоятельности» [8, с. 54]. Более того, рассматривая привилей 1447 г., который освобождал великокняжеских феодалов от выплаты постоянной серебщины, ученый сделал вывод о том, что только война с Московским государством и Крымских ханством подтолкнуло к созыву общего сейма [8, с. 66–67, 70–71].

Профессор М. К. Любавский в февральском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1903 г. опубликовал первую часть своей статьи-ответа на критику в его адрес. Прежде всего, она была адресована к замечаниям М. В. Довнара-Запольского. Однако во вводной части московским историком была затронута концепция Н. А. Максимейки по вопросу происхождения сейма, которая оцевалась как «упрощенная формула истории литовско-русского сейма» [4, с. 380–382]. Уже в следующем, мартовском, номере журнала за 1903 г. Матвей Кузьмич более детально подошел к разбору концептуальных положений Н. А. Максимейки. Отмечая его мнение по вопросу «политической самобытности областей» Великого Княжества, М. К. Любавский подчеркивал, что данная проблематика рассматривалась в его магистерской диссертации [5, с. 148]. Соответственно, московский историк в полной мере осознавал региональную специфику великокняжеских территорий. Вдобавок Матвей Кузьмич акцентировал внимание на прочные связи этих земель с государственным центром [5, с. 148–149]. Поэтому, когда речь зашла про унию всего Великого Княжества с Польшей, то она заключалась с участием всех земель. А когда уния касалась отдельной великокняжеской территории, то имел место быть аспект регионального управления через «областной сейм», который не распространяется на общегосударственный уровень [5, с. 150–151]. Относительно военной опасности как ключевой причины образования общегосударственного сейма в конце XV в., высказанной Н. А. Максимейко, московский историк отмечал решающую

роль внутреннего социально-политического развития Великого Княжества, отводя важную роль привилею 1447 г. [5, с. 156–157]. По мнению М. К. Любавского, «г. Максимейко переходит уже границы точного научного исследования и вступает в область метафизических гаданий» [5, с. 156]. Резюмируя, Матвей Кузьмич написал, что «Весь трактат г. Максимейка от начала до конца представляет какое-то научное недоразумение...книга совершенно не оправдала наших ожиданий» [5, с. 164, 167].

В апрельском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1904 г. Н. А. Максимейко опубликовал свой ответ профессору М. К. Любавскому. Также этот текст будет повторно напечатан в той же Санкт-Петербургской сенатской типографии в виде небольшого буклета [6; 7]. Защищая свой регионально-централизаторский подход образования великокняжеского сейма, Николай Алексеевич повторил сюжеты вокруг 1471 и 1492 гг. [6, с. 361; 7, с. 4]. При этом, период до 1471 г. для Великого Княжества Литовского охарактеризован им как «Русь удельного периода» [6, с. 362; 7, с. 5]. Ссылку М. К. Любавского на его исследование, посвященное областному управлению Литовско-Русского государства, Н. А. Максимейко определил, как осознание московским ученым «пробела в его книге» («Литовско-русский сейм...» – К. Д.), а также как «неудовлетворительное объяснение» региональной проблемы, которая для концепции Николая Алексеевича является системообразующей [6, с. 364; 7, с. 7]. Касательно причин образования великокняжеского сейма, Н. А. Максимейко вслед за М. К. Любавским привел аналогию Московского государства периода правления Ивана IV Грозного, когда перипетии Ливонской войны подтолкнули к возникновению представительного учреждения – Земского собора. А военная опасность в начале XV в. со стороны крестоносцев для Великого Княжества оценивалась как «не настолько сильная и всеобъемлющая» [6, с. 368–369; 7, с. 11–12]. При этом Николай Алексеевич написал, что им отмечалось происхождение великокняжеского сейма и из внутреннеполитических факторов (централизации земель Великого Княжества Литовского, деятельность «областных/местных сеймов») [6, с. 370–371; 7, с. 13–14]. Резюмируя, Н. А. Максимейко обозначил, что в отзыве М. К. Любавского «больше резкости, чем справедливости», а по поводу его ожиданий: «Могут быть такие ожидания, что лучше не оправдать их» [6, с. 375, 378; 7, с. 18, 21].

Таким образом, различные концептуальные подходы к проблеме происхождения сейма Великого Княжества Литовского в работах М. К. Любавского и Н. А. Максимейко привели ученых к дискуссии. Специфика

историографических школ наложила отпечаток на научные подходы историков. Так, для московского историка М. К. Любавского, который уже обладал определенным background'ом в изучении региональной специфики Великого Княжества, социально-политический фактор стал ключевым в становлении сейма. Напротив, для провинциального по меркам Российской империи историка Н. А. Максимейко региональный и централизаторский факторы стали определяющими в происхождении Сейма Великого Княжества Литовского.

Библиографический список

1. Бондарук Т. І. Західноруське право: дослідження і дослідники. К.: Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2000.
2. Карев Д. В. Академик М. К. Любавский: вехи судьбы и творчества // Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. Минск: Беларус. навука, 2012. С. 5–93.
3. Любавский М. К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М.: Московский ун-т, 1901.
4. Любавский М. Новые труды по истории Литовско-русского сейма // Журнал Министерства народного просвещения. Спб.: Сенат. тип. 1903. Ч. CCCXXXV. С. 379–393.
5. Любавский М. Новые труды по истории Литовско-русского сейма // Журнал Министерства народного просвещения. Спб.: Сенат. тип., 1903. – Ч. CCCXXXVI. С. 121–167.
6. Максимейко Н. А. К вопросу о литовско-русских сеймах // Журнал Министерства народного просвещения. Спб.: Сенат. тип., 1904. Ч. CCCLII. С. 360–378.
7. Максимейко Н. А. К вопросу о литовско-русских сеймах: ответ проф. М. Любавскому. СПб.: Сенат. тип. 1904.
8. Максимейко Н. А. Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1902.

МЕЖДУ НАЦИОНАЛИЗМАМИ. КОНСТИТУЦИОННО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЛИТВЫ И БЕЛАРУСИ В РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

Н. С. Ерохов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, г. Москва, Российская Федерация, nikita1312er@gmail.com

Рассматривается идейная составляющая программы Конституционно-католической партии Литвы и Беларуси, а также идеи ее лидера Э. фон Роппа. Доказывается ошибочность точки зрения, причисляющей Э. фон Роппа к польским националистам, а его партии – к одной из польских националистических партий. Делается вывод о применимости к Конституционно-католической партии Литвы и Беларуси понятия «National Indifference».

Ключевые слова: История России XIX – начала XX в. ; история Беларуси; история католической церкви; история национализма в Европе.